

СОЦИОЛОГИЯ ПОВСЕДНЕВНОСТИ

В.Б. Звоновский

СОБСТВЕННЫЙ И ПРИВЛЕЧЕННЫЙ ОПЫТ ОСВОЕНИЯ ПРОСТРАНСТВА

Статья посвящена пространственному аспекту социальных взаимодействий, в частности, различным типам освоения индивидом пространства своего жизненного мира. В центре внимания исследования находятся факторы, влияющие на этот процесс: собственный опыт индивида, опыт, переданный в ходе социализации, научная и профессиональная информация и опыт, доставляемый по каналам социальной коммуникации. Автор приходит к выводу, что, несмотря на растущее влияние факторов привлеченного опыта, в первую очередь, массовой коммуникации, собственный опыт сохраняет свое значение и в этом смысле успешно конкурирует с другими видами опыта в процессе формирования представлений индивида об окружающем его пространстве.

Ключевые слова: *пространство, повседневность, идентичность, социальная коммуникация, жизненный мир, конструирования социальной реальности, опыт.*

Key words: *space, everyday life, identity, social communication, lifeworld, the construction of social reality, experience.*

В современной социологической теории основным предметом изучения взаимодействия между пространством и обществом («пространственности социального взаимодействия») стала совокупность представлений о том, что общество (и индивид) наблюдает то пространство, которое общество сконструировало в данный исторический момент в ходе своей деятельности (Дюркгейм 1996; Бергер, Лукман 1995; Бурдьё 1993). Это касается как научных и религиозных представлений (Койре 1989; Элиаде 1987), так и повседневного восприятия пространства (Бауман 1994; Маклюэн 2003).

То, как отдельный индивид воспринимает пространство, во многом определяется тем, каким это восприятие сложилось в данном обществе и в данное время. Тем не менее, вероятно, существуют аспекты специфически индивидуального восприятия, которые в той или иной степени конфликтуют с представлениями социума. Причем это касается не только восприятия пространства. Возникающий конфликт между индивидуальным сознанием и тем, что условно можно назвать социальным (или общественным) сознанием, в отношении восприятия самого широкого спектра внешних человеку объектов и событий находится в фокусе внимания многих исследователей, начиная с Э. Дюркгейма (Дюркгейм 1995; 1996) и заканчивая Р. Мертоном (Мертон 1994) и П. Бурдьё (Бурдьё 1993), см. также (Кесельман, Мацкевич 1998).

Источником этого фундаментального конфликта является физическая определенность человека и его места в пространстве. Родившись, человек изначально определен в пространстве уже в силу того, что имеет тело. Причем определен таким образом, что расположение его в одной точке пространства исключает нахождение в этой точке других объектов, не обязательно обладающих органической природой. Проникновение таких объектов в область пространства, занятую индивидом, может стимулировать последнего (помимо противодействия такому проникновению) к уходу из этой области, либо может попросту уничтожить данного индивида. Один этот факт делает пространство непосредственным участником социальных взаимодействий. Поэтому социальное взаимодействие необходимым условием включает в себя взаимодействие индивидов как физических тел (Быховская 2000: 124; Hall 1980; Лиотар 1998: 112–113).

Собственный и привлеченный опыт

Представления человека о пространстве (как, впрочем, и все остальные его представления) формируются в различных сочетаниях индивидом на основе (1) его собственного опыта существования и взаимодействия с окружающим миром и (2) информации, которая поступает к нему по различным каналам социальной коммуникации. Первый можно назвать собственным, личным или индивидуальным опытом, второй можно было бы обозначить как «социальный опыт».

Однако этот термин уже «занят». Обычно им обозначается индивидуальный опыт существования человека в обществе (социуме), опыт, который приобретает человек в ходе межиндивидуального взаимодействия. Например, у А. Шюца социальный опыт (*social experience*) представляет собой опыт индивида во взаимодействии с другим индивидом, примененный

к иной ситуации, к взаимодействию с третьим индивидом. Обобщенный опыт межиндивидуального взаимодействия и есть социальный опыт индивида (Шютц 1988: 25). У И. Гофмана мы находим понятие «рамки» (frame), который представляет собой скопированный с реального опыта (real experience) опыт взаимодействия людей и объектов с целью построения стратегии индивидуального поведения в различных ситуациях (organization of the experience). Причем чаще всего эти рамки извлечены из взаимодействия с теми людьми, которые в данной ситуации непосредственно не присутствуют (Там же: 28). Г. Гарфинкель использует близкое к «социальному опыту» понятие «документальный метод интерпретации», который означает поиск схожего опыта, упрощенного до схемы ожиданий, используемой в новой ситуации (Гарфинкель 2007). «Социальное» здесь обозначает сферу получения и использования (применения) опыта, усвоенного в предыдущей итерации социального взаимодействия. Говоря о **социальном опыте**, чаще всего имеют в виду **опыт индивида** в социуме, или социальный опыт индивида. Этот опыт начинается и заканчивается в области непосредственного взаимодействия.

Наконец, П. Бергер и Н. Лукман утверждают, что коллективный опыт зафиксирован в совокупности социальных ролей, исполняемых индивидами в повседневной жизни. Будучи же исполняемыми индивидами, эти роли, а, значит, и социальные институты, «воплощаются в индивидуальном опыте» (Бергер, Лукман 1995: 122). Их подход ближе всего к нашему. Нам, в отличие от **собственного** социального опыта существования индивида в социуме, необходимо обозначить опыт, **непосредственно приобретенный другими** субъектами социума и доставшийся индивиду (личности) лишь в результате информационного обмена (трансляции). Поэтому мы вынуждены обратиться к какому-нибудь другому «незанятому» термину.

Известно, что основная часть «чужого» опыта, ранее накопленного другими субъектами и социумом в целом (человечеством), приобретается человеком в процессе социализации личности. Например, в ходе социализации ребенок усваивает базовые представления о мире и основные технологии существования в нем, являющиеся накопленным опытом его социального окружения, студент через усвоение специфического языка, интернализирующего научный опыт своих учителей, формирует свой интеллектуальный и профессиональный опыт, а опыт рядового обывателя возникает, помимо прочего, через усвоение предлагаемого средствами массовой информации списка общественно значимых проблем. В каждой из этих ситуаций представления о мире формируются на основе «чужого» опыта (опыта других социальных субъектов), который привлекается для ориентации в мире, построения собственной идентичности и решения проблем повседневного социального взаимодействия.

Такой опыт следует отличать от личного опыта, который формируется у человека в различных сферах, ограниченных его собственной деятельностью. Например, в ходе взаимодействия с родителями или своими сверстниками ребенок обнаруживает для себя определенные закономерности их реагирования на различные его действия или поступки. Закрепленное в его сознании (или подсознании) обобщение этих закономерностей становится неотъемлемой частью его собственного индивидуального опыта. Но параллельно с этим он может узнать и о других закономерностях и нормах реагирования окружающих на определенные действия человека, находящихся за пределами его повседневной практики. И то, и другое становится элементом его представлений о мире (частью его сознания). Но первое является продуктом его собственного опыта, а второе — результатом освоения, привлечения чужого опыта (опыта других социальных субъектов).

Точнее всего было бы назвать такой вид опыта привлеченным опытом, т.е. тем, что привлекается для решения тех или иных проблем. В некоторых случаях это — именно опыт, т.е. практика использования данной информации, возможно, и опосредованного, для достижения какой-то цели (например, возможно ли по воде попасть из Самары в Махачкалу). Однако привлеченный опыт — это не только тот, которым мы непосредственно пользуемся в своей практической деятельности. Значительная часть привлекаемого нами опыта других социальных субъектов находится в неактуальных формах нашего сознания (подсознании). Отчасти этот опыт используется для выработки общей картины мира и самоидентификации (тоже не обязательно осознанной).

Привлеченный опыт — это способ привлечения и усвоения (интернализации) индивидами образов различных объектов и процессов — социальных и физических, к которым непосредственный доступ по тем или иным причинам закрыт. При этом привлечение происходит вне каких-то регламентов и расписаний, под влиянием возможностей и желаний самого индивида. Неизбежность привлечения опыта других социальных субъектов и человечества в целом детерминирована социальной сущностью человека, которую он обретает в ходе социализации и вне которой он представляет собой лишь биологическую особь. Но уже после первичной социализации одной из причин обращения человека к привлеченному опыту является ограниченность возможностей человеческого тела воспринимать окружающую его действительность, в частности, неспособность находиться сразу в нескольких местах и передвигаться с большой скоростью по земной поверхности. Отдельный индивид не имеет (и никогда не имел) возможности непосредственного участия в тех процессах социального взаимодействия, которые происходят за пределами его повседневной практики. Поскольку со временем таких процессов становится все больше, в относительном объеме возможности собственного опыта еще более сокращаются.

Привлеченный опыт — это такой опыт, как если бы восприятия индивидов, одного — находящегося там, и второго — воспринимающего информацию первого здесь, были совершенно тождественны или это была бы одна и та же система восприятия. Разумеется, это — идеальнотипическое определение привлеченного опыта, поскольку на практике опыт, поступающий по каналам социальной коммуникации, преломляется сквозь призму личного опыта индивида, «приватизируется» в процессе интернализации путем индивидуальной, уникальной, избирательной интерпретации.

Этот опыт является неизбежным следствием множественной природы человека, использующего для освоения реальности специфически социальные способы повседневной деятельности в мире. Он позволяет заполнить пробелы в непосредственном восприятии реальности.

Привлеченный опыт помогал человеку ориентироваться в окружающем мире задолго до начала эпохи массовых коммуникаций. Современные же технологии изменили ситуацию не столько тем, что приблизили индивида к месту события, сколько тем, что «приблизили» место события ближе к рецепторам индивида. Технологии телевизионного изображения создали ощущение присутствия зрителя в самых неожиданных местах пространства, коммуникационные технологии сделали возможным практически мгновенную передачу огромных объемов информации, современные акустические устройства позволяют получать фантастически точное воспроизведение звука. Наконец, компьютерные технологии дают возможность соединить все это воедино и получить ощущения участия во взаимодействиях, находящихся за пределами повседневности, близкие к реальным.

Чаще всего привлеченный с помощью технических способов построения образов опыт обозначается как «виртуальная реальность». Однако было бы неправильно утверждать, что виртуальный опыт появился как следствие развития технологий в последние десятилетия, а тем более является следствием такого развития. Широко известен случай активного массового использования данных, доставленных виртуальным опытом, — воздействие радиопостановки уэллсовской «Войны миров» в 1939 г., когда компьютеры только выходили на страницы фантастических романов, а слово «виртуальный» в русском языке почти не использовалось. Для нас «виртуальное» — обозначение одного из видов привлеченного опыта, указание на технические устройства, относительно устойчиво воспроизводящие образы социальных и физических объектов, находящихся за пределами повседневной практики индивида.

Строго говоря, любая информация о действительности, полученная нами не в рамках нашего собственного опыта, а в виде информационного сообщения об опыте других социальных субъектов (а чаще всего это информация об опыте анонимных субъектов), является для нас таким же привлеченным

и в этом смысле виртуальным опытом, как и полностью сконструированная дизайнером ролевая игра в центре развлечений. Это — опосредованный опыт, который при определенных условиях индивид считает своим непосредственным опытом. Он не приближается и не удаляется от индивидуального, он может привлекаться (присоединяться, сочетаться) к индивидуальному, когда человек учитывает его содержание (например, «Волга впадает в Каспийское море») и приобщает его к своему личному опыту (когда приезжает в дельту Волги). Он — дополнение собственного опыта индивида.

Разумеется, невозможно абсолютно развести собственный и привлеченный опыт, ибо в повседневной практике они достаточно тесно переплетаются. Вообще, собственный опыт человека испытывает сильное давление усвоенных им социальных норм и представлений. Отдельный индивид с самого рождения погружен в среду социальной коммуникации, формирующую и транслирующую социальный опыт. Избавиться от этой социальной составляющей индивидуального опыта он не в состоянии. Однако индивидуальный опыт столь же неотъемлем от индивида, что и привлеченный. И каким бы сильным ни было давление привлеченного опыта, вопреки его унифицирующему влиянию значительную часть своего поведения индивид осуществляет согласно накопленному в ходе повседневной практики собственному индивидуальному опыту.

Двойственность восприятия пространства и идентичность

Пространство всегда играло настолько огромную роль в конструировании социологических теорий, что интуитивно угадываемое различное отношение к пространству в непосредственном окружении человека, с одной стороны, и пространству опосредованных коммуникаций — с другой, наложение этих двух понятий друг на друга, их конфликты приводили к тому, что индивид располагался в двух пространствах сразу.

Например, Г. Зиммель выделял в каждой личности две стороны: социальную, которая явлена другим через взаимодействие с социальными институтами и другими личностями, представляющими такие институты, и «внесоциальную», которая раскрывается через взаимодействие с непосредственным окружением — членами семьи и близкими знакомыми и друзьями. Личность как бы раздваивается, причем таким образом, что создается впечатление о первичности «внесоциальной» личности и вторичности «социальной» (Зиммель 1996: 517).

Дж. Мид видел внутри отдельной личности I, который признавался как источник творчества в обновляющихся социальных ситуациях, и Me, пред-

ставляющего собой совокупность знаний, которые человек приобрел о себе в процессе принятия роли другого (Мид 1994: 227–228). Многообразие этих ролей приводит к тому, что *Me* находится в постоянном изменении, а диалог двух *Я* (*I* и *Me*), если он происходит успешно и не прерывается, приводит к формированию *Self*-идентичности.

Обе эти теории, более чем различные, одинаковы в том, что считают идентичность целью социализации личности и, вообще, ее деятельности (уже после социализации). В современной теории берет верх точка зрения, исходящая из кризиса идентичности и вообще отказа от её поиска. В лучшем случае мы наблюдаем полиидентичность отдельного индивида, т.е. фрагментарность его репрезентаций в различных социальных взаимодействиях (Гофман 2000). Это касается не только традиционной смены ролей — глава семьи, пассажир в общественном транспорте, мелкий клерк в государственном учреждении, посетитель бара, партнер в сексуальном общении, — но и принципиальной смены, казалось бы, навсегда приписанных ролей, например, мужчины на женщину и даже возможность быть чем-то третьим, четвертым и т.д. в этой изначальной дихотомии социальных ролей. Ускользнуть от идентичности, кажется, сегодня более важно, чем найти её (Бауман 1994).

Но пространственная идентичность тела индивида создает определенные поля, вдоль силовых линий которых он вынужден перемещаться, или, точнее, вдоль которых он вынужден перемещать свое тело (или пересекать их). Причем, особенность этой идентичности состоит в том, что в одной точке пространства не может существовать двух тел. Если бы это было возможно, вероятность полного тождества двух индивидуальных опытов отличалась бы от нуля и существовала перспектива элиминирования личного опыта вовсе. Поскольку это не так, индивидуальный опыт пространства не может быть пустым. Как бы социум ни воздействовал на индивида, его телесная природа будет корректировать в той или иной степени привлеченный опыт восприятия пространства — набора системообразующих осей внешнего мира в целом.

Именно поэтому пространство явлено индивиду в двух формах: непосредственно через его деятельность в этом пространстве и через каналы социальной коммуникации как опыт социального взаимодействия в нем. Этой двойственности во многом мы обязаны теории двойственной личности, одна из составляющих которой существует в пространстве непосредственного окружения, а вторая сформирована пространством, каким его представляет привлеченный опыт. Не личность двойственна, а ее представления о пространстве, а двойственность последнего связана с телесностью человека, с одной стороны, и его социальностью — с другой. Эта двойственность — следствие множественности человеческой природы, в данном случае — двойственности его восприятия пространства.

Своим источником отстаиваемая здесь точка зрения имеет феноменологию Э. Гуссерля, в основе которой лежит представление о человеческом опыте как опыте в совместном-с-другими-мире. Этот опыт основан на доверии к наличию такого мира. Для нас этот совместный мир просто существует, он существует вне и до всякой науки, он сам себя утверждает и не требует никаких дополнительных обоснований. Относительно него мы имеем естественную установку, предельно непроблематичную, и к тому же не даем себе отчета в приверженности этой установке. Пространство этого мира Э. Гуссерль, а вслед за ним и А. Шюц, называет «жизненным миром», миром, где реализуется человеческая практика (Гуссерль 1994: 88). Опыт пространства дан вместе с этим миром как одна из его основных характеристик, обусловленная телесностью человека.

Жизненный мир представляет собой пространственный континуум: по мере удаления от индивида окружающий его мир становится совместным миром. Окружающий мир слонится на ряд более или менее периферических переживаний, постепенно переходя за периферию непосредственно опыта — в совместный мир, и нельзя указать границу, перейдя которую, непосредственное перестает быть таковым (Шюц 2003).

На одном конце находится пространство непосредственного опыта индивида. В его рамках отдельный индивид непосредственно взаимодействует с другими индивидами, их группами и социальными институтами. Пространство личного опыта есть пространство взаимодействия с индивидами (и другими объектами внешнего мира) и представление о нем человек черпает преимущественно из личного опыта. Последний и здесь конкурирует с социальной коммуникацией, поставляющей свою версию реальности, которая отчасти обладает приоритетом перед личным опытом. Даже в сфере межличностных, глубоко интимных взаимоотношений влияние социума, введенных им регламентаций весьма заметно и сильно.

«Сеть структур жизненного мира конституируется в процессе приспособления субъективно возникающего общественного запаса знания и объективно существующего общественного *a priori*, которое чисто эмпирически обладает приоритетом по отношению к субъективному запасу знания» (цит. по: Абельс 2000). Иначе говоря, сформированный посредством социальной коммуникации привлеченный опыт оставляет за собой приоритет в отношении индивида к своему жизненному миру.

Но в то же время, согласно Э. Гуссерлю, сознание человека не может быть чистым, свободным от личного опыта. Объект в том виде, в каком он познается, не может проходить мимо субъекта, и все представления в отношении наличия жизненного мира и его конфигурации отягощены естественной установкой. В каком бы виде объект ни доставлялся до индивида социальной коммуникацией, он должен быть вписан в индивидуальный опыт, причем, воз-

можно, и скорректирован последним. Поэтому будет правильно сказать, что собственный и привлеченный опыт постоянно взаимно корректируют друг друга в определении отношения субъекта к внешнему миру и поведению там.

Диссонанс между собственным и привлеченным опытом

Между восприятием жизненного мира как индивидуального опыта и восприятием его как привлеченного опыта других существует перманентный конфликт, который можно назвать гносеологическим (познавательским) диссонансом и устранение которого невозможно в силу фундаментального характера множественности человеческой природы и многообразия познавательных возможностей человека.

Характер социального взаимодействия таков, что воздействующие на поведение его участников факторы не представляют собой сколько-нибудь упорядоченной системы, а, скорее, простую совокупность (континуум) факторов, нагромождение зависимостей и причинностей, по-разному (с разной силой) влияющих на среду этого взаимодействия. Одна часть этого континуума содержит элементы социально признанные и даже социально санкционированные (например, влияние материального достатка на отношение к правительству). Другая часть остается в той или иной степени латентной: воздействие таких элементов не признается или попросту не известно (например, влияние гендерной дифференциации или гипноза на коллективное поведение). Несистемность, фрагментарность этих представлений делают и привлеченный опыт несвязанным, нецелостным.

Из этого ясно, почему последний не в состоянии полностью вытеснить индивидуальный опыт из повседневности. Индивид в случае недостатка или внутренней противоречивости привлеченного опыта неизбежно будет прибегать к помощи личного восприятия внешнего мира, конечно, когда это возможно. Такая конкуренция привлеченного и личного опыта избавляет социальную коммуникацию от неизбежной закрытости миру, могущей возникнуть как следствие систематизации (как вариант — упрощения) привлеченного опыта. Собственный опыт человека является постоянно действующим корректором привлеченного опыта, формируемого преимущественно социальной коммуникацией.

В случае «удачной» коррекции происходит перестройка социальных представлений о реальности, подразумевающая учет личного опыта. Схема коммуникаций, возникшая внутри жизненного мира, формализуется в виде новых социальных институтов или модификации старых. В качестве примера можно привести институт семьи, столь активно и разнообразно изменившийся в последние десятилетия.

В других случаях привлеченный опыт сохраняет свой приоритет. Тогда происходит как бы преуменьшение значимости личного опыта, причем чаще всего так поступают сами носители этого опыта. Они придают наблюдаемому ими жизненному миру какую-либо исключительность, нерелевантность. Наглядно это продемонстрировали «кризисные эксперименты» Г. Гарфинкеля, в ходе которых испытуемый, поставленный в ситуацию, не обусловленную сложившейся социальной практикой, а вытекающую из личностного контекста данного взаимодействия, чаще всего стремился своим поведением вернуть ее к стандартной (Гарфинкель 2007).

Но чем дальше от индивида отстоят объекты наблюдения, тем в большей степени его отношение к ним определяется не повседневным, а привлеченным опытом, доставленным социальной коммуникацией. И, наоборот, по мере приближения к индивиду влияние личного опыта все же возрастает. До тех пор, пока человек будет иметь тело, он будет иметь два (по крайней мере) опыта переживания пространства. И, судя по всему, мы не можем указать ни одной точки в пространстве, отношение к которой не сформировано и тем, и другим опытом, но мы, вероятно, можем указать на преимущественную локализацию индивидуального и привлеченного опыта. В самом общем случае, чем менее интенсивными являются обмены между человеком и представителями данной области пространства, тем в большей степени именно социальная коммуникация определяет отношение между ними, и тем слабее воздействие личного опыта (Звоновский 2003: 79–81).

Очевидно, что элементы собственного и привлеченного опытов в значительной степени переплетены в деятельности как отдельных индивидов, так и больших социальных общностей. Сколь бы значимой ни была роль социальной коммуникации, повседневный опыт пространства присущ и представлениям о нем всего социума, в том числе и научных. С другой стороны, социальность как вторая природа в значительной степени детерминирует восприятие первой природы, накладывает рамки на её восприятие, возникает определенная «закрытость миру», самоограничение личного опыта, занижение его значимости. В результате периодически возникает необходимость коррекции привлеченного опыта, представляющая собой формирование новых общественных стереотипов, социальных институтов и других форм объективации привлеченного опыта.

Три составляющие привлеченного опыта

Привлеченный опыт можно подразделить на три основные составляющие. Во-первых, это результат усвоения индивидом в ходе своей социализации опыта, накопленного обществом к данному моменту. Основным кана-

лом получения этого опыта является непосредственное окружение индивида, особенно в период его детства и взросления. Тем не менее, и позже он получает информацию о реальности через других индивидов, чье поведение он может непосредственно наблюдать.

Во-вторых, это наука и научные представления о реальности (социальной и физической). Эту информацию человек получает в ходе обучения, формального — в школе и институте, и неформального — через средства массовой коммуникации. Чаще всего, к такого рода информации предъявляются некоторые требования, например, научная информация должна быть более или менее непротиворечивой, верифицируемой и т.д., сообщаться более или менее признанными авторитетами в той или иной области*. Другой особенностью данной формы привлеченного опыта является то, что основным каналом ее передачи остаются особые социальные субъекты — учреждения (школы, институты), позиционирующие себя именно как производители (или трансляторы) непротиворечивого знания.

Третьей составляющей привлеченного опыта является то, что принято называть повседневным знанием. Это — информация, доставляемая как по каналам межличностного, т.е. по преимуществу внеинституционального обмена, так и через средства массовой информации. Основным отличием этих каналов является то, что масс-медиа представляются индивиду как носители и трансляторы по преимуществу обобщенного, уже обработанного, привлеченного опыта, в то время как каналы межличностного обмена представляются носителями социально менее значимой информации и опыта, обобщающего опыт более или менее широкого социального окружения индивида. В результате информация, распространяемая СМИ, имеет существенно большее влияние на поведение людей в обсуждаемых масс-медиа ситуациях, чем информация, поступающая по внеинституциональным каналам. При этом СМИ не только обозначают проблематику для общественного мнения и лексику ее обсуждения (Липманн 2005; Блумер 1994), они также формируют и отношение к этим проблемам общественного мнения (Нозль-Нойман 1996; Lazarsfeld, Katz 1955).

В своем «трактате по социологии знания» Бергер и Лукман анализируют социальное конструирование реальности, тем самым в самом названии работы указывая на то, что получение знания и конструирование реальности суть одно и то же. «Социология знания должна заниматься всем тем, что считается “знанием” в обществе», причем это знание является знанием

* Очевидно, что эти требования внутренне противоречивы. Именно поэтому некоторые исследователи склонны не различать научный и социальный дискурс, называя науку лишь одним из вариантов общего дискурса (Рорти 1997: 288). Но, тем не менее, идеал истины, понимаемой как непротиворечивость, сохраняется в науке (Назаретян 1995) и поэтому мы выделяем эту часть привлеченного опыта как относительно самостоятельную.

о повседневности, или повседневным знанием (Бергер, Лукман 1995). Социальная реальность предстает здесь как континуум типизаций, почерпнутых, с одной стороны, из непосредственных межчеловеческих обменов, с другой — из логических абстракций, пример которых Бергер и Лукман видят в «британском общественном мнении».

Этот процесс типизации представляет собой процесс упрощения индивидуального опыта общения с ближайшим кругом «других». Из опыта личного общения с отдельными «другими» человек выносит нечто, характерное для всего своего окружения. Это общее является основой для построения гипотез о поведении этого окружения в дальнейшем. Причем под «дальнейшим» подразумевается и время, и пространство, несмотря на то, что на втором акцентируют внимание лишь немногие исследователи (Бергер, Лукман 1995; Гофман 2004: 112). Более того, Бергер и Лукман справедливо полагают, что удаление от индивида уже само по себе провоцирует более интенсивную типизацию по сравнению с близкими расстояниями, где большую роль играет личный опыт.

С другой стороны, упрощение поведения «других» (его символизация) приводят не только к его идеализации, т.е. возможности идентифицировать то или иное поведение (символы приветствия или прощания) по некоторым символам (словам или жестам), но и индексация, т.е. возможность человека самому формировать символы и жесты, понятные более или менее широкому его окружению. Формируя их, он упрощает личный опыт взаимодействия с реальностью до тех временных и пространственных пределов, которые оставляют этот опыт непроблематичным. Например, использование визуально-знакового кодирования эмоций у активных пользователей интернета — «смайликов», понятных только тем, кто знает об их значении.

Формализация межчеловеческой коммуникации, даже в близком кругу, приводит к определенной девальвации информации, доставляемой индивидуальным опытом. Он упрощается до состояния, в котором он может транслироваться от индивида к индивиду. Конечно, упрощение индивидуального опыта при его трансляции не является самоцелью, человек лишь пытается обнаружить и использовать повторяющееся в реальности — и социальной, и физической — для того, чтобы действовать в ней.

Упрощение, таким образом, является побочным продуктом деятельностной установки человека, подобно тому, как этому же служит упрощение (абстрагирование) материального мира в естественных науках, в том числе — в физике пространства. Многообразные свойства различных материальных объектов элиминируются из понятия «материальной точки» и «материального тела» для объяснения их поведения в различных условиях. Так же и поведение различных людей абстрагируется индивидом для прогнозирова-

ния их деятельности в различных условиях, в том числе в условиях того или иного поведения этого индивида.

Фундаментальным отличием социальной реальности от физической является то, что абстрактные построения, т.е. результат познавательного процесса, закрепляются в социуме в виде социальных институтов и тем самым сами становятся реальностью, подлежащей пониманию с целью действия в ней. То, что вначале было лишь результатом повторяющихся действий группы индивидов, следующим поколением воспринимается уже как данность, подлежащая лишь повторению (Шюц 2003: 156–157), настолько же естественная для индивида в окружающем пространстве, как и физические объекты, присутствующие в нем. Например, административно установленные границы позиционируются как священные рубежи и физически непреодолимые барьеры и т.д.

Познание реальности приводит к конструированию социальной реальности, способствующей накоплению и трансляции опыта в пространстве и времени. Результаты такого познавательного процесса представляют собой новые объекты этой реальности, в свою очередь также подлежащие изучению. В то же время, упрощение этой реальности в процессе научного и повседневного абстрагирования усложняет процессы социального взаимодействия, накладывает на одни символические обмены другие.

Это усложнение американский социолог Дж. Серл называет метафизическим бременем, вынести которое чрезвычайно тяжело, особенно учитывая тот факт, что оно не ослабевает ни на секунду, постоянно заставляя индивида двигаться мимо социальных фактов, реагируя на них. Еще более важно, что декодирование последних происходит вне зависимости от их важности, степени вовлеченности в них индивида и т.д. (Searl 1995: 27). Человек оказывается ежесекундно вовлечен в огромное количество обменов (товарных, символических, информационных и др.), часто не задумываясь об этом.

Таким образом, следует отказаться от оценки привлеченного опыта и повседневного знания в целом как фактора, упрощающего или усложняющего социальную реальность. Поскольку оно — конструирование, оно упрощает опыт, поскольку оно создает социальную реальность, оно усложняет межиндивидуальную коммуникацию. Главное — это то, что социальное взаимодействие, вероятно, подразумевает конструирование, и обнаружение конструированности одного казавшегося естественным социального института происходит наряду с конструированием других, которые в течение долгого времени также будут восприниматься как естественные, а затем «разоблачены» как конструкты тех или иных форм социального взаимодействия. Познание социальной реальности и ее конструирование суть один процесс.

Социальная коммуникация как конструктор пространства

Хотя привлеченный опыт вообще и социальная коммуникация в частности всегда оказывали значимое влияние на повседневное поведение людей, многие из исследователей справедливо обращают внимание на существенное изменение пропорции, в которой складывается отношение индивида к внешнему миру, его личного опыта, научных воззрений, полученных им в ходе учебной и профессиональной деятельности, межличностной коммуникации, с одной стороны, и массовой коммуникации — с другой (Carlson 1995). Средства массовой информации, в первую очередь, телевидение, в гораздо большей степени определяют и социальное, и индивидуальное поведение людей, чем несколько десятилетий назад.

Вместе с тем, остается открытым вопрос о степени доминирования, или, наоборот, вторичности информации, транслируемой в средствах массовой информации, в социальной коммуникации в целом. Существуют две основные точки зрения на этот вопрос. Во-первых, это — результаты известного исследования П. Лазарсфельда, согласно которым СМИ (тогда — радио и газеты) транслируют информацию к лидерам мнений, а лишь затем те — основной массе населения. Согласно второй точке зрения, общественное мнение формирует пристрастия как основной массы населения, так и журналистов (Луман 2005; Ноэль-Нойман 1996). Этот подход утверждает, что представление о социальной реальности, транслируемое СМИ, может быть усвоено различными социальными группами непосредственно, а, значит, никаких опосредующих эту трансляцию фигур и структур, в том числе, локальных социальных общностей, не требуется.

Примерно о том же процессе писал еще Э. Дюркгейм, указывая на рост национальной и профессиональной солидарности (т.е. специфически социальной) и уменьшение солидарности локальной и территориальной (специфически пространственной). Сегодня эту тенденцию приводят в качестве доказательства «отмены» или «преодоления» пространства социологи постмодернистского направления.

В целом следует согласиться с доводами исследователей, работающих в традициях постмодернизма. Действительно, социальный опыт усваивается современным человеком через средства массовой информации, в первую очередь, телевидение. Они доставляют ему информацию как о непосредственно наблюдаемой им реальности (город, в котором живет человек), так и об удаленных от него объектах. Действительно, научное знание в значительной степени фрагментировано (особенно, социологическое), отягощено естественной установкой, источник которой — социальная природа человека и социальное взаимодействие в целом. Действительно, отсутствие инфор-

мации о факте в новостях телевизионных каналов практически равнозначно признанию факта не имевшим места быть. И, наконец, главное — не хранящееся и не могущее быть сформированным (не симулированное) в СМИ, не может быть и реальным.

При этом, конечно, никто не утверждает, что если на моей дороге стоит столб, социальная коммуникация может меня убедить, что его нет. Но она формирует помимо этих фактов физической реальности или, как их называет Дж. Серл (Серл 1995: 31), «грубых» фактов, факты реальности социальной («институциональные»), представляющие собой точно такие же ограничители и регуляторы моей деятельности, что и столб из мира материальных тел. И с каждым днем их становится все больше и больше. Социальная коммуникация формирует эти ограничители не только в силу возможности осуществления формирования и хранения этих фактов, но и в силу того, что индивид все в большей степени становится не биологическим или физическим субъектом, а социальным. Таков манифест постмодернизма в онтологии.

Нельзя не согласиться с этим, но в то же время следует подтвердить, что биологическая и физическая составляющие человеческой природы сохранились, сколь бы глубоко социальная природа ни проникала в человеческую натуру. Возвращаясь к «грубым» фактам, столб с нашей дороги не исчез и, если мы не будем учитывать его реальности — и физической, и социальной — мы имеем возможность наблюдать конфликт (обозначенный выше как гносеологический диссонанс) между привлеченным опытом, доносимым нам из СМИ, и личным опытом.

В основной массе современных западных обществ унифицирующему воздействию социальной коммуникации в целом и СМИ в частности противостоят локальные общности и их институты. В них не только рутинизируются повседневные практики, но и осуществляется сама социальная коммуникация как непосредственный обмен товарами и информацией. Собственно говоря, массовая коммуникация вытесняет именно эту форму межличностных обменов, заменяя ее все более формальным и ни к чему не обязывающим символическим обменом. Именно институты, представляющие собой наиболее яркие примеры выстраивания внутрисоциального дискурса (политические партии, профсоюзы, городские советы и т.д.), оказываются под угрозой превращения из реальных механизмов социального действия в ньюсмейкеров (news-makers), создателей информационных поводов.

В России же отсутствие или несформированность таких институтов создает иллюзию безграничных возможностей средств массовой информации и тех, кто ими владеет. Неартикулированный и невербализированный опыт отдельных индивидов не может конкурировать с явно выраженным привлеченным опытом, транслируемым массовой коммуникацией, кому бы ни при-

надлежали ее каналы. Личный опыт оказывается как бы скрытым от стороннего наблюдателя и хотя, с одной стороны, он, несмотря на все внешние усилия, в значительной степени продолжает определять повседневную деятельность человека, с другой, является не организованным, не артикулированным и поэтому кажется несуществующим. На самом же деле он продолжает противостоять всем попыткам его унификации.

Дело не в том, что интернализации привлеченного опыта в российском обществе никто не сопротивляется, а в том, что основное сопротивление этому оказывает повседневная практика отдельных индивидов. Это сопротивление существует во всех типах обществ, но наблюдается лишь там, где существуют социальные институты, рутинизировавшие межиндивидуальное общение, в первую очередь, институт общественного мнения, и не наблюдается там, где такие институты не возникли или слабо развиты.

В обществах последнего типа, а российское, несомненно, принадлежит к нему, роль общественного мнения как института социального дискурса существенно снижена. В них имеет место другой социальный институт (другая практика), в котором личный опыт располагается как бы в другом пространстве, позиционирован на другой шкале норм и представлений, чем опыт привлеченный. В современной социологической литературе он получил название «лукавство» и позволяет с легкостью компилировать различные представления о реальности, фрагментировать ее, не ощущая значительного гносеологического диссонанса (Левада 2000).

В заключение следует еще раз вернуться к постулату о множественности человеческой природы. Равно как социальная природа человека носит неустранимый характер, столь же неустранимый характер носит и его физическая природа — человек обладает телом и таким образом задан в пространстве. Растущая плотность социальных связей каждого отдельного индивида не избавляет его от определенного места в пространстве. Однако более важно то, что его индивидуальный опыт всегда обладает содержанием, находящимся в противоречии с содержанием, доставляемым привлеченным опытом по каналам социальной коммуникации. Этот конфликт мы назвали гносеологическим диссонансом.

Соответственно, восприятие пространства сохраняет свою двоякость. С одной стороны, это объективировавшаяся социальная дистанция между индивидами (внутренний интерьер дома, центр и периферия государства, бедные и богатые кварталы в городе и т.д.), и в этом смысле оно становится социальным пространством, пространством, каким оно видится в социальных представлениях. С другой, — это физическое пространство, в котором происходит непосредственное взаимодействие между индивидами, а также между индивидами и социальными институтами. Обнаруживающий себя

время от времени диссонанс между этими представлениями о пространстве разрешается чаще всего в пользу социальных представлений. Тем не менее, очевидно, что на основе именно новых представлений о пространстве, собранных в личном опыте отдельных членов человеческого сообщества, возникает и новое социальное представление о пространстве.

Условия постмодерна состоят не только в том, что степень воздействия массовой социальной коммуникации возрастает, но и в том, что СМИ становятся основным каналом, через который индивид накапливает знания в процессе интернализации, в том числе, первичной, и через который он знакомится с научным взглядом на мир. Тем не менее, эти же условия легитимизируют личный опыт, делают его более значимым, чем это было принято в эпоху модерна. Иначе говоря, давление социальной составляющей человеческой природы не ослабляет, а, скорее, высвобождает ее физическую составляющую. Особенно это характерно для обществ, где социальные институты, в которых помимо прочего были зафиксированы каналы социальной коммуникации, не успели сформироваться.

Таким образом, в результате проведенного исследования нам удалось показать, что с развитием информационных технологий репертуары привлеченных опытов становятся все более разнообразными и воспринимаются как все более «достоверные». Несмотря на это, собственный опыт индивидов сохраняет первостепенную значимость, корректирует, хотя бы время от времени, привлеченный опыт и формирует в значительной степени повседневное поведение индивида.

Литература

- Абельс Х. Интеракция. Идентичность. Презентация. Введение в интерпретативную социологию. СПб.: Алетейя, 2000.
- Бауман З. Спор о постмодернизме // Социологический журнал. 1994. № 4. С. 69–80.
- Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. М.: Медиум, 1995.
- Блумер Г. Коллективное поведение // Американская социологическая мысль. Тексты / Пер. с англ. / Под ред. Добренъкова. М.: Издательство Московского Университета, 1994. С. 168–215.
- Бурдые П. Социология политики. М.: Социо-Логос, 1993.
- Быховская И.М. Номо somatikos: аксиология человеческого тела. М.: Эдиториал УРСС, 2000.
- Гарфинкель Э. Исследования по этнометодологии. СПб.: Питер, 2007.
- Гофман И. Представления себя другим в повседневной жизни. (пер. с англ., вступ. ст. Ковалева А.Д.) М.: Кучково Поле, 2000.
- Гофман И. Анализ фреймов. Эссе об организации повседневного опыта. М.: Ин-т социологии РАН, Ин-т Фонда «Общественное мнение», 2004.
- Гуссерль Э. Кризис европейских наук и трансцендентальная феноменология. Введение в феноменологическую философию // Философия как строгая наука. Новочеркасск: Изд. Агентство САГУНА, 1994. С. 49–101.

Дюркгейм Э. Социология. Ее предмет, метод, предназначение / Пер. с фр., составление, послесловие и примечания А. Б. Гофмана. М.: Канон, 1995.

Дюркгейм Э. О разделении общественного труда / Пер. с фр. А.Б. Гофмана. М.: Канон, 1996.

Звоновский В. Российская провинция: массовое сознание и социальные институты // *Общественные науки и современность*. 2003. № 1. С. 78–89.

Зиммель Г. Как возможно общество? / Пер. с нем. и примеч. А.Ф. Филиппова // Г. Зиммель. Избранное. М.: Юристъ, 1996. С. 509–528.

Кесельман Л.Е., Мацкевич М.Г. Межпоколенческий сдвиг индивидуального оптимизма/пессимизма в современном российском обществе // *Журнал социологии и социальной антропологии*. 1998. Т. 1. № 2. С. 113–120.

Койре А. Очерки истории философской мысли / Пер. с фр. Я. А. Ляткера. М.: Прогресс, 1985.

Левада Ю. Человек лукавый: двоемыслие по-русски // *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*. 2000. № 1. С. 19–27.

Лиотар Ж.-Ф. Условия постмодерна / Пер. с фр. Н. Шматко. М.: Алетея, 1998.

Липманн У. Общественное мнение. М.: Ин-т социологии РАН, Ин-т Фонда «Общественное мнение», 2005.

Луман Н. Медиа-коммуникации. М.: Логос, 2005.

Маклюэн М. Понимание медиа: внешние расширения человека / Пер. с англ. В.Г. Николаева. М.: Кучково поле, 2003.

Мертон Р.К. Явные и латентные функции // *Американская социологическая мысль* / Пер. с англ. М.: Издательство МГУ, 1994. С. 379–447.

Мид Дж. Аз и Я // *Американская социологическая мысль. Тексты* / Пер. с англ. под ред. Добренкова. М.: Издательство Московского Университета, 1994. С. 227–237.

Назаретян А. Истина как категория мифологического мышления (тезисы к дискуссии) // *Общественные науки и современность*. 1995. № 4. С. 105–108.

Нозль-Нойман Э. Общественное мнение. Открытие спирали молчания. М.: Прогресс-Академия, Весь Мир, 1996.

Рорти Р. Философия и зеркало природы. Новосибирск: Изд-во Новосиб. Ун-та, 1997.

Шютц А. Структура повседневного мышления // *Социологические исследования*. 1988. № 2. С. 23–34.

Шюц А. Смысловая структура современного мира. М.: Ин-т социологии РАН, Ин-т Фонда «Общественное мнение», 2003.

Элиаде М. Космос и история. Избранные работы. М.: Прогресс, 1987.

Hall S. Encoding/decoding // *Culture, Media, Language*. London: Hutchinson, 1980.

Lazarsfeld P.F., Katz E. Personal Influence: The part played by people in the flow of mass communications. New York: Free Press, 1955.

Carlson J. Television Entertainment and Political Socialization // Vetmeer Jan P. (ed.) In “Media” Res: Readings in Mass Media and American Politics. N.Y.: McGraw-Hill, Inc. 1995.

Searle J. The Construction of Social Reality. New York: Free Press, 1995.